

Размышления над новой книгой

© 2004 г.

Н.Р. МАЛИКОВА

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ НАЦИЙ

МАЛИКОВА Наиля Рамазановна - доктор социологических наук, профессор социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Новая монография Ю.В. Арутюняна посвящена этносоциологическому анализу проблем постсоветских наций в эпоху глобальных и региональных социально-политических трансформаций. Вспоминается сформулированное им тридцать лет назад, на заре зарождения новой отрасли социологического знания, четкое определение предмета и цели научного поиска в этнической социологии: "поиск этнического в социальном и социального в этническом". Эта емкая формулировка стала на долгие годы научным кредо и девизом многочисленных и плодотворных исследований отечественных этносоциологов, давно "оперившихся птенцов гнезда Арутюнянова". Следует также отметить, что "отец российской этносоциологии" все это время не только творит "в тиши кабинета" концептуальные парадигмы, но сам лично добывает новые эмпирические социологические данные о реалиях этносоциальной жизнедеятельности народов в новом "постсоветском зарубежье", в столичных городах и российской глубинке. В нынешних условиях, когда предметное "поле" и объект исследования разделяют от исследователя не виртуальное пространство, а вполне реальные пограничные столбы, визы и загранпаспорта, не говоря уже об ограничениях материально-организационного свойства, согласитесь подобная научная активность и самостоятельность дорогого стоит.

Масштаб его деятельности по добыче новых социальных показателей и индикаторов исследуемой проблемы - от Эстонии до Узбекистана. Самым ценным ресурсом является его научный авторитет. Не менее ценно и наличие глубоко дружеских и подлинно профессиональных межличностных научных связей, бережно поддерживаемых и сохраняемых в среде этносоциологов: с профессорами З.Х. Арифхановой и Г.В. Гончаровой в Узбекистане, В.В. Паролем в Эстонии и многими другими. Стратегическим ресурсом стала возможность сравнения новых данных об этносоциальных явлениях и ценностных ориентациях респондентов с данными панельных этносоциологических исследований по программе "Оптимизация социально-культурных условий развития наций", предпринятых под руководством автора в предыдущие десятилетия. И, наконец, нельзя не поразиться научной интуиции и смелости Ю.В. Арутюняна, выделившего в качестве объекта социологического анализа два "образа" этносоциаль-

Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 207 с.

ной идентичности - русские вне России (в Эстонии, Молдове, Грузии, Узбекистане) и русские в России.

Научная постановка проблемы не может не впечатлять. Новые этносоциальные и национально-гражданские идентичности формируются в условиях принципиально новой трансформации общества, характеризующейся: последствиями дезинтеграции и распада единой страны и прежней гражданской идентичности; глубинной перестройкой социально-экономической системы постсоветских стран; массовой деполитизацией общественного сознания; социальной активностью и инкорпорацией во власти новых этнократических элит и бизнес-элит; социальными реалиями социально-экономической ситуации страны. Диапазон авторского замысла генерализируется в постановке **общей цели** этносоциологического исследования - «выяснить, как меняется жизнь, в первую очередь, русских в этнически разных средах ("своей" и инациональной), и определить насколько остается устойчивым социально-культурный облик других исследуемых народов (эстонцы, молдаване, грузины, узбеки) в трансформирующейся этнической ситуации» (с. 5).

Первостепенное внимание автор уделяет проблеме модернизации социальной структуры постсоветских наций. И это не случайно, так как ученый, судя по всем его предыдущим работам и по данной монографии, сохраняет преданность традиционному структурно-функциональному подходу, основной концептуальной парадигме, задающей целевые задачи программы исследования, как на уровне формулирования исследовательских гипотез в теории, так и определяющей весь процесс социологической интерпретации полученных этносоциальных данных.

Другая значимая проблема, которая находится в центре его исследовательского внимания - вопрос модернизации культуры, в контексте которой происходит парадоксальное явление реэтнизации культуры, которое характеризует сложность процессов социальной трансформации, когда наряду и параллельно с формированием новых этнокультурных ориентаций, осуществляется поиск новых духовных источников сохранения и поддержания этнокультурной идентичности, в частности, по предположению автора, в сфере религии.

В новой книге исследователь предпринял попытку - *"выявить то, как происходящие социально-культурные инновации отражаются на национальных отношениях"*. При этом, **национальные отношения** им рассматриваются в широком смысле - как межгосударственные, в узком - как межличностные. Таким образом, национальные (вернее было бы обозначить их как этнонациональные) отношения, рассматриваются в диапазоне от дружеских, деловых, семейных контактов до перемен в социальном поведении. Существенным индикатором изменения социального поведения автор вполне обоснованно считает социальную мобильность, представленную особенно широко пространственно-горизонтальной мобильностью, миграционной подвижностью населения. Соответственно поставленной цели и решаемым задачам он выстроил структуру монографии, в которой: 1-я глава посвящена социальным основам развития наций (новой социальной структуре, самооценкам социального положения и реальности, национальным аспектам социальных перемещений); во 2-й главе описываются национально-культурные перемены (образование и массовая культура, деидеологизация и реэтнизация культуры); в 3-й главе раскрываются национальные отношения (государственно-национальные аспекты, межличностные отношения, миграция как следствие обострения социально-этнических отношений и перспективы русского населения в ближнем зарубежье). Значительную по объему и по содержанию часть монографии составляет информация об этносоциологическом исследовании 2000 года.

Ю.В. Арутюнян, сохраняя верность структурализму, начинает изучение трансформации социально-культурного развития постсоветских наций с обобщающей характеристики народов, основываясь на анализе новой социальной структуры. Он по-прежнему считает, что "социальная структура обозначает основное для общества строение, определяемое господствующими в обществе производственными отношениями. Каждый элемент структуры - класс, слой, социально-профессиональная группа - консоли-

дирован общностью интересов и отличается от других своим специфическим местом в общественном производстве" (с. 8). Но, при этом в основу классификации социальной структуры положено трудно верифицируемое понятие "*качество труда*". Однако исследователь выявил и объяснил, что в постсоветских обществах социальная структура не детерминирована столь жестко партноменклатурной (элитарной) централизацией функции "распоряжения", как раньше, а дифференцирована функционально деэтактизированными (разгосударствленными) отношениями к праву распоряжения и владения, к пропорциям разных видов собственности. Следствием исключительной апелляции к структуралистской парадигме стало отчасти некоторое несовпадение структурной и функциональной компонент-деятельности в социологической интерпретации сложившейся иерархии социально-статусных ролей у трансформирующихся постсоветских сообществ. Разумеется, автор не мог не заметить этого обстоятельства, но, тем не менее, полагает, что принципиально новая социальная структура свидетельствует лишь «о возможности некоторого размывания традиционных социальных границ, но не "отменяет" их» (с. 9). Далее, фиксируя "размытость" новой социальной структуры не только по признакам "качества труда", "права распоряжения собственностью" и "права владения пропорциями собственности", но и по уровню доходов, он, противореча себе, утверждает все же, что усмотрение и этих социальных реалий "не исключает, а лишь дополняет принятое понимание традиционной структуры общества, подчеркивая известную диффузию его границ как классовых и социально-профессиональных, так и социально-функциональных, связанных с распределением власти" (с. 10-11).

Неоднозначно воспринимается непоколебимая уверенность автора в том, что классовые противоречия очевидны. Они проявляются, по его собственной оценке, "глухо - неосознанно и слабо выражено", да и забастовочное движение стало угасать (вследствие снижения былой остроты угрозы роста безработицы) с конца 1990-х годов, сохраняя заметную неудовлетворенность и протестную активность ущербного слоя населения. Но однороден ли в классовом отношении этот "ущербный слой населения", как и любые другие новые социальные страты?

Автор пытается разрешить эту методологическую задачу, констатируя, что «в постиндустриальном обществе границы такого понятия как "пролетариат" реально расширены». И он максимально расширяет эти границы, полагая, что пролетариат - это "весь наемный труд, включающий и массовую интеллигенцию - источник неразделенной прибавочной стоимости" (с. 32).

В отечественной литературной традиции предтечей не концептуального, а сатирического видения маргинализирующегося интеллигента был незабвенный образ Васи-суалия Лоханкина, "пролетария умственного труда", подаренный нам И. Ильфом и Е. Петровым. Но, даже помня об этом "пролетарии", нельзя согласиться с подобной категориальной интерпретацией классовой дифференциации, тем более в контексте исследования трансформации постсоветских социально-этнических общностей и наций-согражданств. В том-то и проблема, что классовая дифференциация надэтнична, и коль скоро, по мнению Ю.В. Арутюняна, класс пролетариата объективно противопоставлен классу нанимателей-капиталистов, то это должно было бы стать основой для формирования устойчивой социальной (классовой) надэтнической и трансгражданской идентичности, что, однако, не наблюдается и по данным исследований самого автора.

Более убедительной выглядит выявление другой социальной закономерности. Повсеместно, по мнению ученого, трансформирующиеся этносоциальные сообщества, оказываясь перед альтернативой либо капитализации государственной собственности, либо ее обобществления, пришли к совмещению капиталистического с государственно-авторитарным во всех сферах социальной жизни. Это позволяет вполне правомерно говорить «о преодолеваемом "общинном сознании" и становлении новых форм имущественных отношений». Одновременно с этим исследователь фиксирует изменение социальных оценок, рост разочарования населения в преимуществах частной соб-

ственности в производстве, в промышленности и сельском хозяйстве (с. 15). При этом отчетливо проявилась региональная и этносоциальная поляризация социальных ориентаций на частную собственность, оценок ситуации и степени удовлетворенности работой и зарплатой у коренного и русского населения среди респондентов в Узбекистане (сохраняющих "общинное сознание") и Эстонии (максимально ориентированных на социальную модернизацию). Но если среди эстонцев в Таллине доминировали преимущественно положительные оценки социальных перемен на работе, то среди русских там же - отрицательные. Также гораздо более негативно, чем представители титульных народов, высказывались русские в Кишиневе, Ташкенте, Тбилиси. Однако, несмотря на сложности этнополитической жизни, молодое поколение русских, более адаптированное к эстонской среде, чувствует уже, по представлению автора, свою организационную включенность в жизнь Эстонии. Но подобные позитивные представления о социальных перспективах не характерны для молодых русских в других странах.

Именно осмысление возможности перспектив социальной мобильности и реализации стратегии "восходящих" социальных перемещений (вертикальной социально-статусной мобильности. - Н.М.) является во многом побудительным стимулом, ценностной ориентацией для оформления новой позитивной гражданской идентичности. В случае же альтернативной реализации социальной карьеры, аутсайдерская "нисходящая" линия социальных перемещений становится почвой для роста социальной дезадаптации, чувства социальной депривации и мощным фактором, стимулирующим горизонтальные социальные перемещения, пространственную социальную мобильность - миграционную подвижность определенных этносоциальных групп населения в постсоветских государствах. Кстати, само понятие "социальная мобильность", позаимствованное из арсенала дефиниций западной социологии, утвердилось в научном обороте отечественной социологии во многом благодаря активной артикуляции термина в публикациях этносоциологического сообщества и в трудах Ю.В. Арутюняна. Он одним из первых российских ученых рассматривал социальную мобильность, как наиболее информативное понятие и актуальное социальное явление, имеющее принципиально важное значение для социологической интерпретации социальных судеб народов.

В начале 1990-х годов Ю.В. Арутюнян дифференцировал интеллигенцию по двум основным источникам комплектования: 1) интеллигенцию в первом поколении, по социальному происхождению "из рабочих"; 2) потомственную интеллигенцию. Среди содержательных гипотез исследования привлекает внимание предположение, что в прошлом - высококвалифицированные группы интеллигенции в первом поколении (выходцы из рабочих) - должны высоко оценивать достигнутые социальные позиции, и, по сравнению с осязатимой сходной динамической мобильностью потомственных интеллигентов, они могут отличаться социальным оптимизмом. Это социальное представление о доступности элитарных позиций в обществе зачастую сбывалось, данные позиции становились доступными для интеллигентов в первом поколении, вследствие их социальной активности, что было справедливо для ситуации 1970-1980-х годов. Материалы последнего этносоциологического исследования зафиксировали существенные перемены этих этносоциальных параметров. В отличие от прошлого, отрицательная оценка жизни у "новых" интеллигентов - выходцев из рабочих, нередко оказывалась сильнее, чем у потомственных интеллигентов.

Возможность социального взрыва не актуальна, по мнению автора, в силу ряда профессиональных, культурных, психологических причин. Так, к трети населения Российской Федерации, живущего ниже прожиточного минимума, относятся преимущественно пенсионеры, а они не являются потенциальными носителями социального взрыва. Социальные настроения более образованных масс населения, уже имеющих представление о печальном историческом "революционном опыте", труднее поддаются гипнозу воинствующих политиков. И, наконец, социально-психологическое восприятие новой элиты, как "своей, народной", сформированной не в кастовых привилегированных группах, а являющейся представителем самых широких слоев населения,

даже при обнародовании сведений об ее значительных доходах, не стимулирует участия масс в радикальных формах социального протеста.

С развитием частной собственности существенно меняется, по свидетельству исследователя, и механизм социальных перемещений. В частном секторе социальная мобильность обнаружила безусловные преимущества, ибо ставка здесь делалась на наиболее дееспособные, образованные и активные группы. Отсюда и более высокий уровень мобильности и других показателей социальной активности был зафиксирован среди новой социальной группы предпринимателей.

Анализируя этнокультурные перемены, происшедшие в контексте социально-политической трансформации постсоветских наций, автор показывает, что корни общесоюзной (социалистической) культуры были неглубокими. Оттого стали быстро забываться прежние общие культурные ценности, представления об общесоюзных героях и идеалах. При рассмотрении культуры разграничивается предметное видение этносоциологического подхода (ориентированного на социальные функции использования, потребления и воспроизводства этнокультурного фонда) и культурологического подхода (больше ориентированного на культуру саму по себе). В соответствии с этносоциологическим анализом культуры, ученый выделяет сферы ее функционирования и освоения различными этническими и социальными группами населения (с. 49). Материалы исследования, раскрывая специфику духовной трансформации общества, убедительно свидетельствуют о деидеологизации культуры, «о безусловном спаде у людей, независимо от национальностей, прежних идеологических ценностей, потере основ политической ("прокоммунистической") культуры недавнего прошлого» (с. 56). Происходящая деидеологизация имеет, по мнению автора, два аспекта: 1) "внешний", связанный с отказом от противостояния капиталистическому миру, "западной" культуре; 2) "внутренний", обусловленный уходом от исторически уже традиционного в массовом сознании, "советского" восприятия политических авторитетов и ценностей. И хотя у русских в России и в новом "ближнем" зарубежье традиционные авторитеты оказывались прочнее, но и среди них эти выборы были относительно скромными (10% - в Москве, 26% - в Таллине, 14% - в Кишиневе, 15% - в Тбилиси, 7% - в Ташкенте).

В ситуации деидеологизации культуры мобилизирующим ресурсом и дополнительным средством духовности оформления, поддержания и формирования этнокультурной идентичности становится религия, подкрепляющая этноконфессиональной идентичностью направленное усиление этносоциальной идентичности. Заметный рост религиозности населения не стал критерием духовной зрелости, и представления верующих и неверующих в оценке своей жизни, идеалов "хорошей жизни", поведения, по данным автора, не отличаются. Унифицированы главные ценности "хорошей жизни" - "семья" и "материальный достаток", равно как и оценки реального поведения. Не было обнаружено достаточно зависимости религиозности и нравственности в повседневной жизни.

В исследовании относительно консервативного социального института семьи была обнаружена сильная региональная этносоциальная вариативность. О региональных различиях в восприятии роли авторитета и влияния родителей в семье дают, например, наглядное представление полярные оценки по вопросу о необходимости получения согласия родителей при вступлении в брак (21% - эстонцы, 42% - молдаване, 52% - грузины и 98% - узбеки). Соответствуют выявленной региональной дифференциации и аналогичные положительные ответы на данный вопрос среди русских, живущих в столицах постсоветских государств (31% - в Таллине, 39% - в Кишиневе, 43% - в Тбилиси, 56% - в Ташкенте).

В структуре общественных ценностей также произошли принципиальные перемены. Материальный достаток превращается в основной критерий "хорошей жизни" на постсоветском пространстве, опережая "интересную работу" и ценность "хорошей семьи". В повседневной жизни повсеместно наблюдается, по свидетельству Ю.В. Арутюняна, «не одухотворение, а скорее жесткое "заземление" повседневных требований и

запросов» (с. 66). Показательно, что исследование зафиксировало прекращение характерного для первой половины 1990-х годов роста отрицательных оценок образа жизни.

Гораздо более значимым феноменом, отмеченным в контексте этносоциологического дискурса, является *ретнизация культуры*, апелляция к ревитализации этнонациональной культуры, с очевидным выделением двух срезов этнокультурного багажа - "рационального" и "эмоционального" (с. 70). Наиболее емким рациональным проявлением стало тотальное расширение социальных функций языков титульных национальностей. Проявилась последовательная ориентация властей новых государств (максимально выраженная в Эстонии) на освоение русскими национальных языков, конституцированных в качестве государственных. На мой взгляд, это вызвано не только опасениями, что русская этнокультурная автономизация в сфере образования и общения может породить их политическую сепарацию. Более логично предположить, что овладение государственным языком представляется позитивным фактором укрепления и целенаправленного формирования новой надэтнической гражданской идентичности. Социальные индикаторы - гражданство, осознание Родины - взаимосвязаны с приобщенностью к эстонской культуре. Коэффициенты связи Райского и авторские данные наглядно иллюстрируют и подтверждают (с. 75-76), что этническое самосохранение русскоязычного населения в той же Эстонии, при должной государственной поддержке культуры этнических меньшинств, не мешает, в конечном счете, свободному овладению эстонским языком и реализации позитивной стратегии включения в новую гражданскую идентичность.

Для автора представляется несомненным, что обострению национальных отношений способствуют целенаправленные усилия этнократических элит по политической мобилизации и пропаганде национализма в массовом сознании в условиях недостаточно зрелого и не развитого гражданского общества. С момента зарождения этносоциологии проявления национальных отношений традиционно рассматривались на двух уровнях: институциональном - как отношения государственные; и на уровне межличностного взаимодействия. Кризис системы межнациональных отношений также проявился на различных уровнях: от межгосударственных до межличностных отношений. Сущностные изменения проявились, по мнению автора, прежде всего на макросоциальном уровне в разных экономических, политических и идеологических средах. Исследование позволило обнаружить разное отношение к распаду социалистической системы в разных этносоциальных средах. Представители титульных национальностей постсоветских государств (бывших советских республик) стали принципиально иначе, чем русские в этих республиках, и противоположно им, оценивать, например, международную систему социализма. Это отчетливо показали определенные по результатам исследований 1990-х годов отрицательные (у титульных) и положительные (у русских) индексы отношений респондентов к "мировому содружеству социалистических стран": у эстонцев (-72), русских в Таллинне (+20); у молдаван {-40, а у русских в Кишиневе (+36); у грузин (-44), русских в Тбилиси (+31); у узбеков (-9), а у русских в Ташкенте (+11). Автор с сожалением констатирует, что переживаемая эпоха социально-политической трансформации сопровождалась ухудшением межличностных отношений. Например, в отношении позитивных установок на заключение межэтнических браков: среди узбеков - они практически исключались (всего 6%), а у грузин заметно сократились (10% в 1990-е годы, против 17% в 1970-1980-е годы).

Относительно благоприятными являются положительные установки на работу в полиэтнических трудовых коллективах. Но и они, будучи практически близкими или равными в 1970-1980-е годы, в 1990-е годы сократились: в наибольшей степени, с 59% до 36% среди эстонцев в Таллинне; с 81% до 66% среди грузин в Тбилиси; с 80% до 52% среди узбеков в Ташкенте; и, в наименьшей степени, с 80% до 73%, среди молдаван в Кишиневе.

Несмотря на все этнополитические перипетии, в 2002 г. среди опрошенных русских жителей столиц новых независимых государств в Таллинне у 54% респондентов были друзья эстонцы (причем, у молодежи - 67%); в Кишиневе у 57% - друзья молдаване,

в Тбилиси у 68% - друзья грузины, в Ташкенте у 39% - друзья узбеки. Опрос же представителей титульных национальностей выявил значительно меньшую частоту дружеских связей с русскими среди: 6% эстонцев Таллинна, 20% молдаван Кишинева, 13% грузин Тбилиси, 13% узбеков в Ташкенте. Очень осторожно автор интерпретирует эти данные, свидетельствующие о сохранении и даже об односторонне направленном векторе расширения межличностных дружеских отношений в постсоветских странах ближнего зарубежья. Он предполагает, в частности, что среди русских выросло осознание престижности дружбы с представителями титульных национальностей, как с "хозяевами", по словам автора, новых государств (с. 91).

Крайне важным в контексте осмысления социально-политической безопасности представляется то обстоятельство, отраженное в материалах этносоциологических исследований в России, что русские в большинстве своем и сейчас не поддались провокациям национализма (с. 92). В то же время, научная и гражданская принципиальность не позволила автору умолчать о том, что "несмотря на благоприятную в целом ситуацию, немало русских в последнее время замечают симптомы дремлющего национализма". Так, например, в Саратове 45% русских оценили межнациональные отношения как "только внешне спокойные", а 53% - посчитали, что в городе "есть национальностей, которые осложняют обстановку, создают трудности". С тревогой он пишет и об акциях "бритоголовых" скинхедов в Москве, этнических погромах против торговцев-кавказцев на рынках, о деструктивности движения "Русский проект - Великая Россия" (с. 93).

Важным индикатором состояния межнациональных отношений ученый обоснованно считает миграцию русского населения из постсоветских государств. Следует подчеркнуть, что именно этносоциологи - одни из первых отечественных исследователей отметили отрицательное сальдо миграции русских в Закавказье и в большинстве республик Средней Азии еще с 1970-х годов. В начале 1990-х годов число русских, стремившихся покинуть Кишинев, Тбилиси и Ташкент, по свидетельству автора, удвоилось, по сравнению с 1980-ми годами. В Прибалтике, несмотря на этнополитическую напряженность, осложняющую интеграцию русских, более благоприятные условия жизни, близость европейских стандартов бытовой культуры, оказались значимым сдерживающим фактором, препятствующим репатриации. По данным исследования, в 2002 г., как и в 1970-1980-е годы, из Таллинна хотели выехать 21-22% русских, из которых более половины ориентированы на миграцию не в Россию, а в другие страны. А вот из Ташкента 45% русских (в 1991 г. - 40%) хотели мигрировать на этническую Родину. Но миграционные установки и ожидания мигрантов не всегда совпадают с реальными возможностями их обустройства в России. Прием их стал тормозиться, и вследствие отсутствия должного финансирования, и в связи с осложнением процедуры регистрации и получения вида на жительство для иммигрантов не только из традиционного зарубежья, но и для всех граждан постсоветских государств, независимо от их этнического происхождения. Это стимулировало незначительную возвратную волну миграции. В целом же, треть русского населения составила миграционную убыль в государствах Центральной Азии и примерно наполовину оно сократилось в Закавказье.

Оценивая перспективы русского населения в ближнем зарубежье, исследователь полагает, что русские надолго останутся в странах ближнего зарубежья; наиболее перспективной является стратегия максимальной адаптации русских к новым условиям жизни, приобщенности к национальной культуре; в случае затруднений в аккультурации и интеграции, русские вынуждены будут сохранять автономность своей социокультурной среды; оптимальной представляется межэтническая интеграция русских в славянских государствах Белоруссии и Украине; выбор полярных стратегий адаптации, в диапазоне от большей "вестернизации" в европейских и (видимо, предположительно большей "традиционализации") в центрально-азиатских постсоветских государствах; степень адаптации русских повсеместно отражается и будет отражаться в будущем на их политических установках и социальных ориентациях, что необходимо

постоянно учитывать в практической деятельности молодых государств по оптимизации межнациональных отношений.

В книге Ю.В. Арутюняна, как и в самом процессе трансформации национальных отношений, не все однозначно. Примечательно, что добросовестная социологическая интерпретация данных исследования, проведенного в Российской Федерации, не подкрепляет ранее высказанного им методологического предположения о неизменности сохранения классового характера социальных противоречий. Отмечается, что среди русского населения доминируют не деструктивно-радикальные, а конструктивные социальные идеи. Автор четко резюмирует: «Сознание классовой борьбы отсутствует. К предпринимателям преимущественно относятся неплохо, к банкирам - нейтрально. Но люди, которых было принято называть "демократами", не встречают никакой поддержки, а коммунисты пользуются заметным авторитетом только на селе» (с. 88).

Таким образом, этносоциологическая верификация эмпирических данных объективно вступает в противоречие с жесткостью традиционной детерминации социально-статусных ролей и ценностных ориентаций, предписываемых прежней концептуальной парадигмой. Это обстоятельство предполагает и обещает обращение автора к новым социологическим дискурсам и к новым исследовательским парадигмам в самом ближайшем будущем.

Ю.В. Арутюнян постоянно демонстрирует верность этосу академического научного сообщества. Он не забывает упомянуть в каждой своей публикации, как и в данной книге, своих коллег. Он помнит и тех, кто ныне здравствует, и тех, кого, к сожалению, уже нет рядом с нами, и тех, кто вместе с ним в прошлом и настоящем участвовал и участвует в этносоциологическом поиске нового научного знания.

Знакомство с содержанием его нового труда стимулирует соответствующую заинтересованную реакцию научной общественности, побуждая к откликам, вопросам и рассуждениям. И это обстоятельство, само по себе, следует также поставить в заслугу автору.

Накануне своего 75-летия, Ю.В. Арутюнян вновь удивил нас своим молодым исследовательским задором, оригинальностью и свежестью выводов и умозаключений, их научной глубиной, обстоятельностью. И все это, несомненно, не только закономерный итог многолетней добросовестной и плодотворной научной работы, но и залог научного долголетия, новых этносоциологических исследований и новых научных открытий. Мне же остается только выразить свое восхищение - "Viva Academia, viva professor Arutunjan - est pater etnosociologiae magistrae!".